

М. К. БАСХАНОВ

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ: ТУРКЕСТАН И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В ОБЪЕКТИВЕ РУССКИХ ВОЕННЫХ ФОТОГРАФОВ

В статье на основе ранее неопубликованных документов из российских архивов, рассматривается процесс зарождения и эволюции русской военной фотографии в Туркестане от второй половины XIX в. до начала Первой мировой войны. История русской военной фотографии обычно рассматривается на периферии тем и сюжетов истории русского завоевания и управления Туркестаном. Между тем военная фотография была инструментальна для формирования туркестанского информационного архива, который сыграл важную роль как в имперском управлении Туркестаном, так и в русском военном планировании. В статье подчеркивается роль военной фотографии в Туркестане для создания военного архива, который широко использовался для целей разведки, военного планирования и картографирования туркестанской окраины империи и сопредельных с ней стран и территорий Востока. В статье рассматриваются фотоколлекции, составленные туркестанскими военными фотографами в императорский период, а также дается краткий обзор изучения и публикации этих коллекций.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестан, завоевание Центральной Азии, оборона империи, военное планирование, разведка, военная фотография, фотоколлекции

DOI: 10.34920/1694-5794-2021.32.43-52

Цитирование: Басханов М. К. Визуализация стратегических пространств: Туркестан и сопредельные территории в объективе русских военных фотографов // Вестник МИАИ. Вып. 33. Самарканд, 2022. С.

ЖАНР военной фотографической презентации войны (war photography) оформился в период Крымской войны (1853–1856) благодаря деятельности британского фотографа Роджера Фентона (Roger Fenton, 1819–1869), разработавшего не только технологию съемки «поля боя», но и создавшего уникальный визуальный образ самой войны и человека на войне и фактически ставшего «крестным отцом» жанра военной фотографии. Деятельность Фентона в немалой степени способствовала приспособлению фотографии к потребностям военного дела. Крымская война явилась крупным военным конфликтом, в котором были массово продемонстрированы технологические новации в военном деле – паровые суда, полевые железные дороги, телеграф, нарезное оружие, и др. В ходе войны впервые была использована фотография для боевого планирования, разведки и целеуказания. С этого события начинается история использования фотографии в военном деле, которая в своем

развитии прошла путь от первых примитивных снимков неприятельских позиций времен Крымской войны до цифровых снимков спутниковой разведки.

История фотодела в русской императорской армии также началась в период Крымской войны. В 1854 г. капитан Николай Григорьевич Писаревский (1821–1895) после знакомства с постановкой дела фотографии в Венском военно-географическом институте (Kaiserlich-Königliches Militär-Geographisches Institut, Wien) устроил в здании Главного штаба в Петербурге небольшую фотографическую мастерскую (Исторический очерк 1872: 471–472). На первом этапе своей истории русская военная фотография была связана с работами в области военной картографии, но постепенно находила применение и в других областях – артиллерии, военно-морском и военно-инженерном деле, разведке. В этом отношении русская военная фотография следовала общим тенденциям и практикам, получившим распространение в

Ил. 1. Маннергейм К. Г.-Э. Синьцзян. Калмыки на китайской военной службе, упражняющиеся в стрельбе. 1907 г. (Sandberg 1990: 91)

ведущих армиях европейских государств.

В русской императорской армии на протяжении всей истории ее существования отсутствовала такая воинская специальность как военный фотограф¹. Но это не означает, что отсутствовали профессионально подготовленные военные фотографы. Основной контингент военных фотографов имелся в составе Корпуса военных топографов. В их обязанности входило использование фототехники при составлении и тиражировании военных топографических карт. Изучение фотографической техники входило в учебные программы Военно-топографического училища и Николаевской академии Генерального штаба.

В истории русской фотографической презентации Туркестанского края и сопредельных территорий Востока военной фотографии принадлежит совершенно особое место. Завоевание

Туркестана вызвало у русской общественности и в среде военных широкий интерес к вновь приобретенной территории и ее народам. Этот интерес проявился в различной форме – научных исследованиях, публицистике, живописи и графике, фотографии.

Русская военная фотография в Туркестане, как понятие, включает в себя как деятельность фотографов из числа офицеров и чинов военного ведомства, так и их светописное наследие, причем, «военная» в данном случае совсем не обязательно указывает на сюжетность, т. е. на военную тематику. Подавляющее число работ русских военных фотографов Туркестана работало сугубо в «гражданских» жанрах и тематике.

Русская военная фотография Туркестана как исторический феномен и составная часть историко-культурного наследия бывшей азиатской окраины российской империи еще малоизучена. На сегодняшний день отсутствует единый корпус «туркестанской» фотографии, полный свод имен фотографов, их биографий и подробностей творческой деятельности. Выявление художественно-

¹ Здесь и далее под военным фотографом мы будем понимать офицера или чиновника военного ведомства, производившего фотосъемку в служебных или любительских целях.

Ил. 2. Ияс А. И. Курдские охотники с ловчими птицами. Персия, г. Нагадэ, 1912 г. (*Tchalenko* 2006: 119)

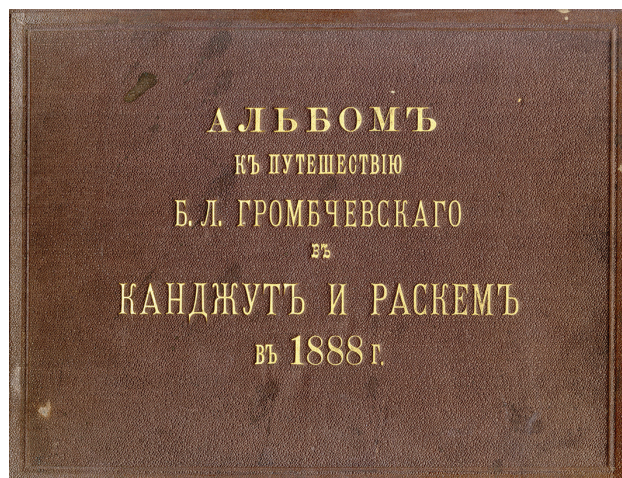
го наследия русских военных фотографов Туркестана затруднено разбросанностью основных архивных, музейных и библиотечных фондов, оказавшихся раздробленными между Россией, постсоветскими государствами Центральной Азии, рядом других стран. Еще менее известны состав и презентативность частных коллекций, российских и зарубежных.

Вместе с тем, определенная работа в выявлении и публикации культурно-исторического наследия русских военных фотографов, разрабатывавших туркестанскую тематику, уже проделана. Достаточно упомянуть несколько наиболее важных издательских проектов. В 1990 г. в Хельсинки Финно-угорским обществом (Suomalais-Ugrilainen Seura) совместно с Национальным советом древностей² была опубликована фотоколлекция известного русского военного востоковеда генерала Карла Густав-Эмиля Маннергейма (1867–1951), составленная им в период большой рекогносцировки Центральной Азии (1906–1908) (Sandberg 1990) (ил. 1).

В 2006 г. Джон Чаленко (John Tchalenko), внучатый племянник другого известного русского военного востоковеда полковника Александра Ивановича Ияса (1869–1914), совместно со Школой востоковедных и африканистских исследований (SOAS) Лондонского университета организовал в Лондоне выставку фотоколлекций полковника Ияса, хранящихся в Финском музее фотографии (Suomen Valokuvataiteen Museo) в Хельсинки. К выставке был издан информативный и важный в научном отношении каталог фотографий полковника Ияса, включающий снимки, сделанные им в период службы в Русском Туркестане и Персии (Tchalenko 2006) (ил. 2).

В 2017 г. Русское географическое общество опубликовало полную фотоколлекцию генерала Бронислава Людвиговича Громбчевского (1855–1926), составленную им в период двух центральноазиатских экспедиций (1888, 1889–1890) (Басханов, Колесников, Матвеева 2017). Публикация коллекции имела важное значение для изучения исторической географии, этнологии и антропологии стран и территорий Центральной Азии (ил. 3).

Значительный интерес проявляется в последнее время к творчеству и художественному наследию русского военного востоковеда полковника Леона Семеновича Барщевского (1849–1910). Особенно это заметно в Польше, на родине Бар-

Ил. 3. Внешний вид фотоальбома к путешествию Б. Л. Громбчевского в Канджут и Раскем в 1888 г. НА РГО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 4

щевского. В декабре 2010 – феврале 2011 г. в Варшаве в Национальном музее археологии Польши (Państwowe Muzeum Archeologiczne) состоялась выставка фотографий Барщевского. В 2017 г. аналогичная выставка его работ была организована в Музее Южного Подляшья (Muzeum Południowego Podlasia) в Бяла-Подляска, которая была дополнена в следующем году выставками в Люблине и Влодаве. Еще ранее был издан альбом фотографий работ Барщевского «Затерянный мир» (Strojecki 2017), подготовленный Игорем Строецким (Igor Strojcki), дальним родственником фотографа.

Особое место русских военных фотографов в истории туркестанской фотографии определяется теми специфичными историческими условиями, в которых происходило завоевание Туркестана, и той ролью, которую играла русская императорская армия в организации обороны и административного управления краем.

Завоевание Туркестана, в отличие от Кавказа, пришлось на эпоху стремительного развития в России фотографии, которая, в отличие от живописи, давала возможность запечатлеть значительно большее число предметов, видов и людей. Завоевание огромной территории и последующие задачи управления вызвали к жизни появление совершенно новых форм изучения страны и населяющих ее народов и адаптации этих знаний под задачи административного и военного управления³.

² С 2018 г. именуется как Финское агентство по национальному наследию (Huoimisen kulttuuriperintö luodaan tänään. Yhdessä).

³ Более подробно о роли научного знания в управлении колониями на примере Британской империи см.: Cohn 1996.

Работа по административному и военному управлению Туркестанским краем в начальный период этой деятельности фактически основывалась на достаточно примитивном научном знании. Между тем потребности организации такого управления требовали создания, наращивания и использования значительной информационной базы или «информационного архива» – свода базовых и оперативных сведений по различным отраслям знания – географии, истории, этнологии, лингвистике, геологии, ботанике, и др. В продолжении всего российского присутствия в Туркестане в императорский период для целей управления краем было создано и использовалось два управленческих архива – административный и военный. Основой их являлись постоянно обновляемые естественно-научные и статистические сведения.

Основу административного архива составляли результаты работ местных туркестанских и приглашенных из Европейской России ученых и специалистов, занимавшихся различными естественно-научными исследованиями, а также сведения, получаемые туркестанской администрацией и представительствами органов центрального подчинения в Туркестане, областными статистическими комитетами, структурами военно-народного управления, туркестанскими научными обществами. В более поздний период этот архив был существенно расширен в результате работ экспедиций Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия.

Туркестанский военный архив включал в себя разнообразные военно-статистические и военно-географические работы офицеров Генерального штаба и строевых офицеров, чинов Корпуса военных топографов и офицеров, состоящих на службе по военно-народному управлению Туркестанского края. В архиве имелся значительный массив материалов полевых и разведывательных поездок, рекогносцировок и специальных командировок, а также данных, полученных в ходе геодезических и топографических работ.

До русско-японской войны туркестанский военный архив состоял из двух базовых элементов – военно-статистических и военно-географических работ (печатных и рукописных) и картографического материала. После 1905 г. к этим двум элементам добавился еще один – фотография. В результате, военный архив стал представлять собой значительный массив сведений о Туркестанском крае и сопредельных странах и территориях, в котором данные в области военной географии, статистики и картографии дополнялись фотоматериалом. Эти сведения были стандартизированы

и унифицированы, постоянно обновлялись и использовались центральными и региональными органами военного управления, а также высшей администрацией края. Административный и военный архивы создавали как-бы научную базу имперского управления Туркестанским краем.

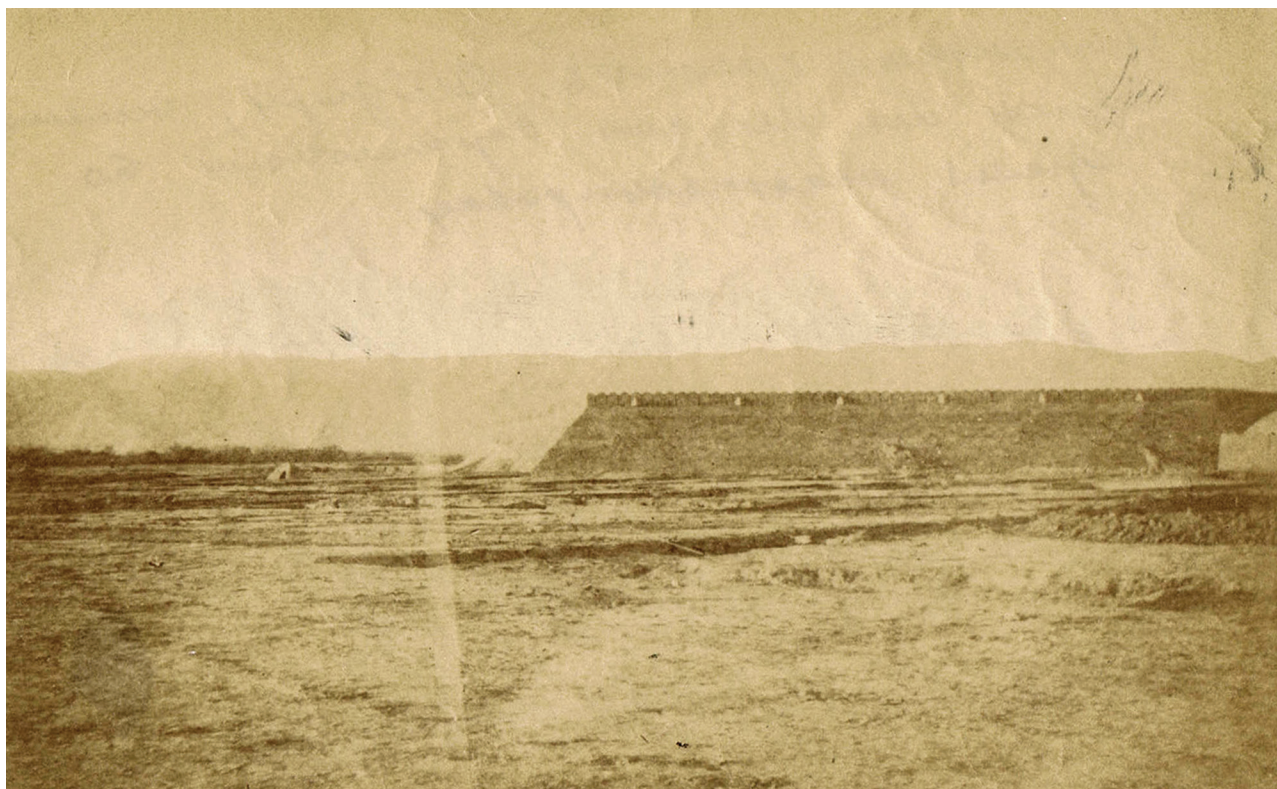
Русские офицеры, военные чиновники и чины гражданского ведомства были первыми, кто соприкоснулся с краем, только что завоеванным и малоизвестным в научном отношении. Это обстоятельство ставило их в исключительное положение первооткрывателей, представляло широкие возможности для широкого и систематического научного описания природы и населения края.

Неслучайно первые достоверные известия о Туркестане были получены именно от русских военных. По своей теоретической и практической подготовке они обладали необходимыми базовыми знаниями для исследовательской деятельности, что и было сполна использовано местной администрацией, особенно в период, предшествующий появлению в Туркестане профессиональных научных специалистов.

Но и в более позднее время военные продолжали вносить важный вклад в изучение Туркестана и сопредельных стран. Особенно это касается территорий, нестабильных в политическом и военном отношении, состоящих под особым управлением – Мургабский оазис, линия Закаспийской железной дороги, Памир, ряд приграничных с Китаем и Афганистаном районов – где деятельность гражданских специалистов подвергалась опасности или не была санкционирована властями по политическим соображениям.

Неудивительно, что именно русские офицеры были первыми, кто доставил в Россию визуальный образ соседних азиатских государств и территорий: поручик Чокан Чингисович Валиханов (1835–1865) – рисунки с видами Кашгарии (1858), поручик Всеволод Иванович Роборовский (1856–1910) – рисунки и фотографии Тибета и внутренних районов Китая (1879–1881), классный топограф Август Иванович Скасси (1845–1911?) – первые фотографии Памира (1878); штабс-капитан Бронислав Людвигович Громбчевский – первые русские фотографии Хунзы и Раскема (1888), Генерального штаба капитан Лавр Георгиевич Корнилов (1870–1918) – первая русская фотография Афганистана (1899) (ил. 4).

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что офицеры – большей частью молодые и энергичные – были наиболее адаптированы к трудностям полевой службы, являлись хорошими наездниками, спортсменами, охотниками, т. е. обладали идеальными качествами и навыками для экспедиционной и исследовательской деятельности на

Ил. 4. Л. Г. Корнилов. Афганская крепость Дейдади. 1899 г. Шотландская частная коллекция

малоизученных и удаленных территориях.

Что касается истории фотографической презентации Средней Азии, то приоритет здесь принадлежит русским военным фотоаппаратам. Первый опыт фотографирования малоизвестного края осуществил поручик Антон Степанович Муренко (1837–1875), находившийся в составе военно-дипломатической миссии полковника Н. П. Игнатъева (1832–1908) в Хиву и Бухару (1858). Им был составлен уникальный фотоальбом «От Оренбурга через Хиву до Бухары», за который он был удостоен серебряной медали ИРГО (Девель 1994).

Затем наступает довольно продолжительная пауза в фотографическом описании Туркестана. Процесс возобновляется только после учреждения Туркестанского генерал-губернаторства и развертывания частей Туркестанского военного округа. Примечательно, что первый этап завоевания Туркестана (1865–1868) остался не зафиксированным в русской исторической фотографии, и сегодня он больше известен по живописным и графическим работам художника Василия Васильевича Верещагина (1842–1904), непосредственного участника событий.

К началу 1870-х гг. относятся первые попытки фотофиксации Туркестана силами русских военных. В 1872 г. фотограф-любитель подпоручик Григорий Кривцов (?-?) принял активное уча-

стие в составлении знаменитого «Туркестанского альбома». Фотографические работы велись в Кульджинском походе (1871) и в период занятия русскими войсками Илийского края. Адъютант командующего войсками Семиреченской области Р. И. Метлицын составил уникальный альбом «Виды Семиречья, Кульджи и туземного населения в первые годы завоевания этих областей»⁴. В этот период увлекался фотографией и командующий войсками Семиреченской области генерал-лейтенант Герасим Алексеевич Колпаковский (1819–1896), которому принадлежит заслуга в подготовке двух фотоальбомов: «Семиречье, Кульджа»⁵ и «Этнографический альбом Кульджинского района и Семиреченской области». Нельзя исключить, что существовали в этот период и другие туркестанские фотографы-любители из числа военных, имена и работы которых еще остаются неустановленными.

Этапным в развитии туркестанской военной фотографии стал Хивинский поход (1873)⁶. Еще на стадии его планирования ИРГО проявило большой интерес к перспективе изучения мало-

⁴ НА РГО. Разряд 112. Оп. 1. № 38.

⁵ НА РГО. Разряд 112. Оп. 1. № 40 и № 520.

⁶ Более подробно о Хивинском походе см.: Morrison 2020.

известных территорий в естественно-научном отношении. Накануне похода Советом общества была составлена комплексная программа изучения Хивинского ханства (Вопросы 1873), в разработке которой приняли участие видные русские географы и востоковеды: генерал О. Э. Штубендорф (1837–1918), полковник М. И. Венюков (1832–1901), Р. Э. Ленц (1833–1903), В. П. Васильев (1818–1900), В. В. Григорьев (1816–1881), П. И. Лерх (1828–1884) и др.

Среди прочего в программе, в частности, отмечалось: «По отношению к каждой из народностей, населяющих Хивинское ханство, желательно было бы иметь: 1) фотографические снимки нескольких особ мужского и женского пола в размерах, достаточных для ясного различения черт лица; относительно мужчин по крайней мере желательно также иметь снимки возможно большей величины, сделанные с голых, так, чтобы можно было судить о пропорциях членов тела и взаимном их отношении» (Вопросы 1873: 69). В другом месте программы говорилось о желательности сопровождать научный материал «возможно большим количеством рисунков, фотографических снимков и планов» (Вопросы 1873: 73).

Для выполнения научных работ в период похода привлекались офицеры Генерального штаба и наиболее подготовленные строевые офицеры. В походе принимало участие 7 действительных членов ИРГО из числа генералов и офицеров. Хивинский поход в определенном смысле продолжил европейскую традицию освещения военных кампаний, сопровождавшихся научным изучением стран Востока и появлением значительного массива визуальных материалов, как это было в случае с экспедицией Наполеона в Египет (1798)⁷ или с британской военной экспедицией в Абиссинию (1867–1868) (Ryan 1997).

Хивинский поход, как никакой другой военный поход в Средней Азии, оказался освещен как в живописной манере, так и в фотографиях. Вместе с тем фотографическая презентация похода оказалась весьма ограниченной и представлена только фотоальбомом подпоручика Г. Е. Кривцова «Виды и типы Хивинского ханства»⁸. Из-

вестно, что в период похода саперный капитан Д. М. Резвый делал зарисовки «домашней утвари, комнат, видов крепостей и развалин», которые он передал востоковеду А. Л. Куну (1840–1888) (Кун 1874: 58).

Хивинский поход получил визуальную презентацию через изобразительные материалы, которые воспроизводились в русской прессе (например, во «Всемирной иллюстрации») или в работах русских художников, того же Николая Николаевича Каразина (1842–1908), издавшего роскошный альбом хромофотографий «Хивинский поход» (Каразин [1874]). В тени этого грандиозного издания оказался хивинский альбом фотографий Кривцова, изданный крайне ограниченным тиражом и не поступивший в продажу. В результате, фотографическая презентация Хивинского похода и связанных с ним научных исследований осталась практически недоступной научному миру и широкой публике.

В Хивинском походе по приглашению русских властей приняли участие иностранные корреспонденты – в частности, американцы Джануариус Мегэн (Januarius MacGahan, 1844–1878) и Юджин Скайлер (Eugene Schuyler, 1840–1890)⁹. Это был первый и последний поход русской армии в Туркестане, в котором вместе с русскими журналистами участвовали их зарубежные коллеги. После Хивинского похода неофициальная история русского завоевания Средней Азии известна преимущественно по литературным работам и историческим трудам непосредственных участников событий.

В период Хивинского похода на русских журналистов распространялись цензурные ограничения, тогда как иностранные корреспонденты были вполне свободны от таких требований. В результате в ряде публикаций иностранной прессы поход был подан в весьма невыгодном для русского правительства свете. В иностранных корреспонденциях с «поля», порой предвзятых и не всегда достоверных, отмечались случаи насилия над мирным населением, вандализма, чрезмерной жестокости по отношению к слабому противнику и др. Тем самым, поход, изначально широко заявленный как военная экспедиция цивилизованной державы против восточной деспотии, оплота мракобесия, варварства и рабства, оказался подан в западной прессе преимущественно в негативном виде и совсем не способствовал имиджу русской власти¹⁰. Генерал-адъютант

⁷ К примеру, издание по материалам, собранным французскими учеными во время экспедиции, роскошного 26-томного описания Египта с 10 сопроводительными атласами. См.: Description de l'Égypte 1820–1829.

⁸ Альбом «Виды и типы Хивинского ханства», составленный подпоручиком Г. Е. Кривцовым, был преподнесен туркестанским генерал-губернатором К. П. фон Кауфманом в библиотеку ИРГО, о чем сообщил на заседании Совета ИРГО вице-председатель общества П. П. Семенов. См.: Журнал заседания 1874: 227. В настоящее время хранится в фондах НА РГО. См.: НА РГО. Разряд 112. Оп. 1. № 8.

⁹ Скайлер не посещал Хиву, а освещал события похода из Ташкента.

¹⁰ В этом отношении показательна негативная реакция рус-

Ил. 5. Кокандский поход, 1875 г. Шотландская частная коллекция

тант К. П. фон Кауфман (1818–1882), которому и принадлежала идея широкого международного освещения похода, пришел к выводу об ошибочности подобной практики и полностью отказался от нее в дальнейшем.

Результатом изменившейся политики в освещении военных событий в Средней Азии стало резкое снижение объема фотофиксации в последующих кампаниях русской армии. Официальная фотофиксация Кокандского похода (1875–1876) и Ахал-Текинской экспедиции (1880–1881) уже не велась. Присутствие среди боевых порядков войск корреспондентов было признано нежелательным. Известна в этой связи фраза М. Д. Скобелева (1843–1883), произнесенная им при личной аудиенции с императором Александром II накануне отъезда в Туркмению. На вопрос императора, чего бы он еще пожелал, Скобелев ответил – «чтобы при мне не было журналистов». По этой причине фотографий, отражающих период русских военных кампаний в Туркестане, на которых непосредственно зафиксированы боевые действия или сюжеты боевой обстановки, остаются практически неизвестными. Одним из редких исключений может считаться снимок неизвестного автора, относящийся, предположительно, к периоду Кокандского похода (1875–1876) (ил. 5).

Фотографические работы в Туркестане в интересах административного и военного управления начались на профессиональном уровне после образования Туркестанского военного округа (1867), штаб которого принял на себя координацию военно-географических, статистических и картографических работ в крае. Чрезвычайно важное значение имело создание в округе Туркестанского Военно-топографического отдела (ВТО), который отвечал за географическое описание и картографирование Туркестана¹¹. Впервые вопрос о создании в структуре Туркестанского ВТО специального учреждения (фотографического павильона), отвечающего за фотографические работы, был поднят в 1884 г. командующим войсками Туркестанского военного округа генералом М. Г. Черняевым (1828–1898)¹².

ского военного министерства на книгу Скайлера «Туркестан» (1877). См.: По поводу заявлений из книги американца Скайлера («Turkistan») о жестокостях, будто бы совершенных в Туркмении русскими войсками во время похода в 1873 г. // РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 477.

¹¹ Более подробно о деятельности Туркестанского ВТО см.: Гальков 1958.

¹² Рапорт командующего войсками Туркестанского военного округа военному министру о необходимости устройства фотографического заведения при Туркестанском ВТО, 21 февраля 1884 г. // РГВИА. Ф. 404. Оп. 6. Д. 141. Л. 1–2.

Фотографический павильон при Туркестанском ВТО осуществлял фотоработы для целей картографирования, а в более поздний период и для целей разведки и географического изучения внутренних областей Туркестанского края и сопредельных территорий стран Востока. В фотографическом павильоне осуществлялось также обучение офицеров Генерального штаба и строевых офицеров основам использования фототехники при проведении штабных игр, полевых поездок, рекогносцировок и разведывательных операций. Уместным будет привести несколько цифр, характеризующих объем работ в фотографическом павильоне Туркестанского ВТО. В 1909 г. в нем было изготовлено 916 негативов, 6645 позитивов и 28 матриц (Извлечение из годового отчета 1911: 21). Деятельность фотопавильона осуществлялась преимущественно в интересах картосоставления и картопроизводства. В то же время, в нем непрерывно нарастал объем обработки фотоматериала, поступавшего от офицеров-участников рекогносцировок и полевых поездок. В фотопавильоне, к примеру, были обработаны негативы и отпечатаны снимки видов Памира, снятые офицерами Генерального штаба – капитанами Александром Константиновичем Разгоновым (1873–1938) в период рекогносцировки Памира и Восточной Бухары (1907) (Извлечение из годового отчета 1911: 21), Николаем Ивановичем Косиненко (1881–1917) в бытность начальником Памирского отряда (1908)¹³ и полковником Александром Ивановичем Егоровым (1876–1915) при рекогносцировке пограничной полосы с Китаем на Памире (1911)¹⁴.

Фотографический павильон Туркестанского ВТО – являлся крупнейшим депозитарием фотографического материала, относящегося к Туркестану и сопредельным странам. К началу Первой мировой войны в нем хранилось несколько тысяч негативов и оттисков с них, которые относились к Русскому Туркестану и сопредельным с ним странам Востока – Восточной Персии, Афганистану, Индии, Китаю (Синьцзяну). Судьба этого уникального и важного фотоархива остается неизвестной, и установление ее является одной из важных задач в изучении истории туркестанской фотографии.

До конца 1890-х годов возможности применения фотографии в военном деле, а также исполь-

¹³ Коллекция Н. И. Косиненко хранится в фондах НА РГО: Алай – Памир – Дарваз // НА РГО. Разряд 112. Оп. 1. № 1071.

¹⁴ 32 фотографии, снятые полковником Егоровым на Памире, составляли отдельное приложение к его отчетной работе. См.: Отчет об обследовании пограничной с Китаем полосы на Памирах // РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2153.

зование ее офицерами и военными чиновниками были достаточно ограничены. Существовавшая в то время фотографическая техника была громоздка, требовала трудоемкого процесса съемки и обработки негативов. Немаловажным оставался и фактор ее стоимости – она была весьма дорогой, а потому недоступной для большинства молодых офицеров. Ситуация резко изменилась в начале 1900-х гг. с появлением портативных и относительно недорогих фотографических камер. Фототехника стала доступна и получила большую популярность среди офицеров. Это наглядно видно из материалов армейской прессы того времени, в которой статьи и заметки с популяризацией фотодела как раз приходятся на указанный период¹⁵.

В этот период наблюдалось изменение как функциональной природы военной фотографии, так и самого контингента фотографов. Происходил переход от любительской фотографии к фотографии профессиональной и от военного фотографа-любителя к фотографам, которые были не только специально подготовлены к ведению фотосъемки, но и обязаны были использовать ее в своей служебной деятельности, прежде всего, для целей военно-географического изучения и описаний азиатских территорий Российской империи и сопредельных стран Востока. Таким контингентом военных фотографов стали офицеры Генерального штаба, активно участвовавшие в военно-географическом изучении потенциальных театров военных действий. Они получали профессиональные навыки владения фототехникой в период обучения в Николаевской академии Генерального штаба.

Одним из первых офицеров Генерального штаба, широко использовавших фотографирование в специальных работах, стал капитан Александр Семенович Галкин (1855–1920). В период двух поездок по Синьцзяну (1885, 1887) ему удалось произвести фотосъемку многих маршрутов, китайских войск, представителей различных этнических групп и др.¹⁶ А. С. Галкин может считаться первым русским военным, осуществившим фотофиксацию Синьцзяна, поскольку его деятельность хронологически предшествовала фотографическим работам капитана Б. Л. Громбчевского в этой провинции Китая (ил. 6, 7).

Опыт использования фотографии для целей военного планирования был продолжен адъютантом командующего войсками Туркестанского

Ил. 6. Внешний вид альбома «Виды, сцены и типы Синьцзяна. Из путевого альбома А. Галкина». НА РГО. Разряд 112. Оп. 1. № 941

военного округа поручиком Павлом Павловичем Родственным (1870 – после 1921) летом 1901 г. на Памире. В составе рекогносцировочной группы офицеров штаба округа, среди которых был и известный впоследствии военный востоковед Генерального штаба капитан А. Е. Снесарев. Родственный проехал по Большой Памирской дороге, неустанно фиксируя через равные промежутки пути особенности дороги и прилегающей к ней местности. Это наглядно видно из состава фотоколлекции поручика Родственного. Цель фотофиксации Памира в рекогносцировку 1901 г. заключалась в визуальной презентации командованию стратегически важных географических объектов – перевалов, горных дефиле, выгодных оборонительных позиций, водных преград, подступов к сопредельным территориям и др. Всего в период поездки на Памир поручиком Родственным снято более 350 фотографий с географическими видами Памира и сопредельной афганской территории, постов Памирского отряда¹⁷. Среди них оказалось немало снимков, содержащих эт-

¹⁵ См. к примеру: *Апостолы* 1893; *Апостолы* 1904; *Закржевский* 1897; *Лебедев* 1898, и др.

¹⁶ В настоящее время коллекция хранится в фондах НА РГО: *Виды, сцены и типы Синьцзяна из путевого альбома А. Галкина* // Разряд 112. Оп. 1. № 941.

¹⁷ Долгое время коллекция Родственного в неатрибутированном виде хранилась в АВ ИВР РАН и была практически неизвестна даже специалистам. В 2019 г. коллекция после технической подготовки, атрибуции снимков и научного описания в полном виде была издана и введена в научный оборот. См.: *Басханов, Шевельчинская* 2019.

нографические сюжеты, виды исторических памятников, остатков древностей и др. (ил. 8).

На фотографиях с видами географических объектов запечатлены стратегически важные перевалы Талдык и Харгош, соединяющие Алайскую долину с Восточным и Западным Памиром; главные дороги и направления, например, развилка дорог, ведущих к Ранкульскому и Памирскому постамам, дорога по правому берегу р. Пяндж. Отдельно поручик Родственный фиксировал водные пространства – реки Мургаб, Памир, Пяндж, подступы к сопредельным территориям Афганистана (афганский форт Калаи-Бар-Пяндж) и Китая (долина р. Кызылсу близ русского укрепления Иркештам). Среди фотографических

снимков Родственного имеются виды стратегически важных объектов – Ваханский коридор, разделявший русские и индо-британские владения, урочище Игитарг в долине Пянджа – наиболее приближенный к Британской Индии участок русской территории, и др. Среди снимков поручика Родственного имеются редкие изображения русских стационарных постов на Памире: Памирского, Лянгарского, Ишкашимского и Хорогского (ил. 9).

В 1899 г. штаб Туркестанского военного округа приступил к реализации важного проекта по военно-географическому и статистическому изучению сопредельной с округом территории Кашгарии – западной части китайской провинции

Ил. 7. Галкин А. С. Формы обмундирования и декоративное оружие китайских войск. 1887 г.
НА РГО. Разряд 112. Оп. 1. № 941

Ил. 8. Родственный П. П. Долина Пянджа. Казий вершит суд над провинившимися. 1901 г. (Басханов, Шевельчинская 2019: 277)

Синьзьян. Для этой цели при Российском императорском генеральном консуле в Кашгаре была учреждена специальная должность – офицера Генерального штаба, состоящего при генеральном консульстве¹⁸. В период с 1899 по 1906 гг. офицерами Генерального штаба велось широкое военно-географическое изучение Кашгарии, которые включали картографические и фотографические работы.

Ряд источников дает косвенное указание на то, что фотографические работы велись капитаном Л. Г. Корниловым, первым офицером, назначенным в Кашгар. Первые фотографии Сарыкола, стратегически важной территории, сопредельной с русским Памиром и британскими владениями на севере Индии, были сделаны Генерального

штаба капитаном Александром Павловичем Федоровым (? – ок. 1905)¹⁹. Подробную фотофиксацию маршрутов, китайских укреплений, важных в стратегическом и тактическом отношениях перевалов, узлов дорог, переправ провел Генерального штаба подполковник Владимир Гурьевич Ласточкин (1871–1920). Полученные офицерами Генерального штаба сведения – маршрутные описания, военно-статистические сведения и фотографии – существенно дополняли стратегический архив штаба Туркестанского военного округа и использовались в военном планировании при разработке операций против Китая и Британской Индии (ил. 10).

Значительно способствовало развитию туркестанской военной фотографии становление системы разведки в Туркестанском военном округе. В 1898 г. в структуре штаба округа появился

¹⁸ Должность последовательно занимали следующими офицерами Генерального штаба: капитаны Л. Г. Корнилов (в 1899–1901 гг.), З. И. Зайченко (в 1901–1902 гг.), Н. Г. Чернозубов (в 1902–1903 гг.), А. П. Федоров (в 1903–1904 гг.), подполковник В. Г. Ласточкин (в 1904–1906 гг.).

¹⁹ О содержании в Кашгарии русских офицеров и почтовом сообщении с этой страной. 2 января – 30 июля 1904 г. // РГ-ВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1632.

Ил. 9. Родственный П. П. Лянгарский пост Памирского отряда. 1901 г.
(Басханов, Шевельчинская 2019: 263)

первый специализированный орган разведки – отчетное отделение, которое в 1906 г. было преобразовано в разведывательное отделение штаба округа. Разведка в русской императорской армии развивалась в двух плоскостях – как элемент военного планирования и как подготовка офицеров к войне (военные игры, рекогносцировки, полевые поездки).

«Основная цель ежегодно организуемых в военных округах поездок офицеров Генерального штаба, – отмечалось в отчете Главного штаба, – сводится к сбору и обновлению военно-географических и военно-статистических сведений по районам, представляющим известное военное значение и могущим явиться в будущем театрами военных действий. Важное значение этой цели в связи с крайней ограниченностью военно-географических материалов по нашим окраинам, пополняемых иным путем рекогносцировками отдельных лиц или экспедициями, вызывает необходимость тщательной обработки добытых на полевых поездках данных в виде материалов, пригодных для изучения условий местности»²⁰.

²⁰ О полевых поездках офицеров Генерального штаба // РГ-ВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 246. Л. 1.

С окончанием Русско-японской войны использование фотографии получило еще большее распространение при ведении геодезических и топографических работ в Туркестане и на сопредельных территориях. Войска стали насыщаться современной фотографической техникой, а личный состав обучаться основам ее использования. Фотография использовалась не только для отображения рельефа местности, конфигурации долин, перевалов и др. географических объектов, но и военно-географического описания территорий. Была продолжена предвоенная практика составления итоговых отчетов по геодезическим и топографическим работам, которые иллюстрировались фотографиями, снятые военными геодезистами и топографами в исследуемых районах (Извлечение из годового отчета 1903: 90–92; 112–122).

В этот период фотоаппараты появились практически на всех приграничных постах русской армии в Туркестане, которые входили в систему разведки штаба округа – Турбети-Хайдери²¹, Кушка, Термез и Сарай, посты Памирского отря-

²¹ Турбети-Хайдери – пост в составе русского противочумного кордона в Восточной Персии.

Ил. 10. Генерального штаба подполковник В. Г. Ласточкин верхом на яке на перевале Тер-арт. Кашгария. Ок. 1905 г. Ласточкин 1911: Прил. Ил. № 30

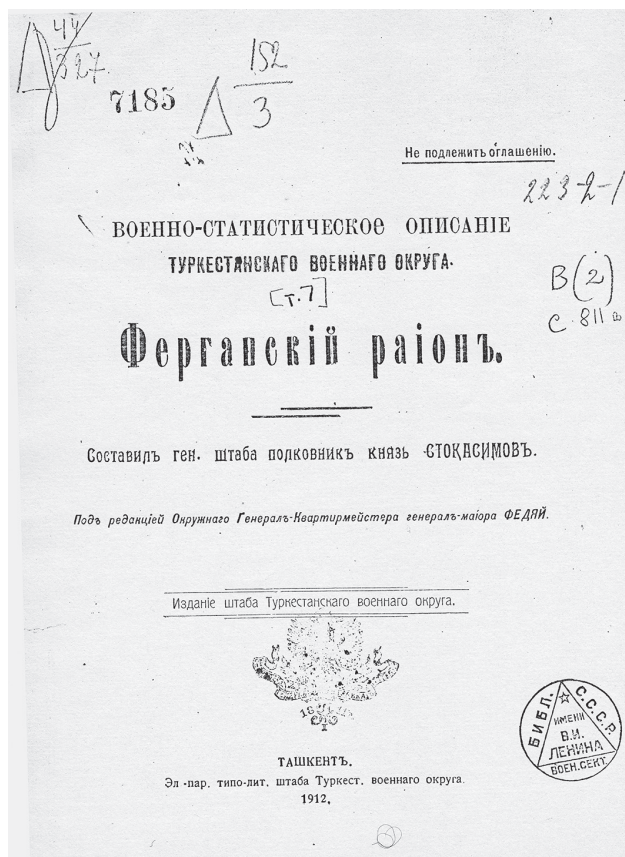
да, Ташкурганский пост²². Из всех перечисленных разведывательных пунктов Туркестанского военного округа наиболее широко велись фотографические работы на постах Памирского отряда. Известно, что фотографированием занимались начальники отряда – Генерального штаба капитаны Николай Степанович Аносов (1866–1920) (*Станкевич* 1904: 472, 476) и Н. И. Косиненко, Григорий Андреевич Шпилько (1872–1936), начальники отдельных постов – сотник Юрий Ипполитович Мамаев (1884–1920), штабс-капитан Ольгерд Болеславович Туманович (1879 – после 1926), военный врач Анатолий Петрович Березский (1878–1945)²³ и др.

Новые подходы в использовании фототехники часто входили в противоречие с реальными возможностями, особенно в вопросе подготовки строевых офицеров навыкам фотодела.

Если с поставкой фототехники в войска особых проблем не существовало, то имелись большие затруднения с ее использованием. Такое положение явилось результатом отсутствия в округе единой системы подготовки офицеров основам фотодела. Штаб округа не организовывал специальных учебных курсов, не издавал наставлений и рекомендаций. Отсутствовали материальные стимулы к поощрению офицеров, проявивших интерес к фотографии. В таком важном деле больше полагались на инициативу и почин самих строевых офицеров. В реальности получалось, что офицеры смотрели на занятие фотоделом как на дополнительную служебную нагрузку, как на отвлечение от прямых служебных обязанностей. Показательно в этом отношении свидетельство секретаря российского генерального консульства в Кашгаре Э. Л. Беренса, посетившего в 1911 г. в ходе консульской поездки русский Ташкурганский пост. Заметив у начальника поста подъясаула Н. П. Колбина фотоаппарат, он поинтересовался его использованием. На что последовал ответ, что фотоаппарат «выписан» штабом чтобы «делать снимки» и отправлять их в Ташкент, но сам он, Колбин, фотографировать не умеет. В течение трех дней пребывания на посту Беренс пять раз

²² Ташкурганский пост находился на китайской территории в сел. Ташкурган в долине Сырыкол и обеспечивал коммуникационную линию между Памирским отрядом и Российским императорским генеральным консульством в Кашгаре.

²³ Фотографическая коллекция А. П. Березского была выявлена совсем недавно и в настоящее время автором этой статьи совместно с В. В. Фетисовым готовится к изданию.

Ил. 11. Титульный лист работы «Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Ферганский район» (Стокасимов 1912)

предлагал Колбину обучить его фотосъемке, но последний так и не нашел для этого времени²⁴.

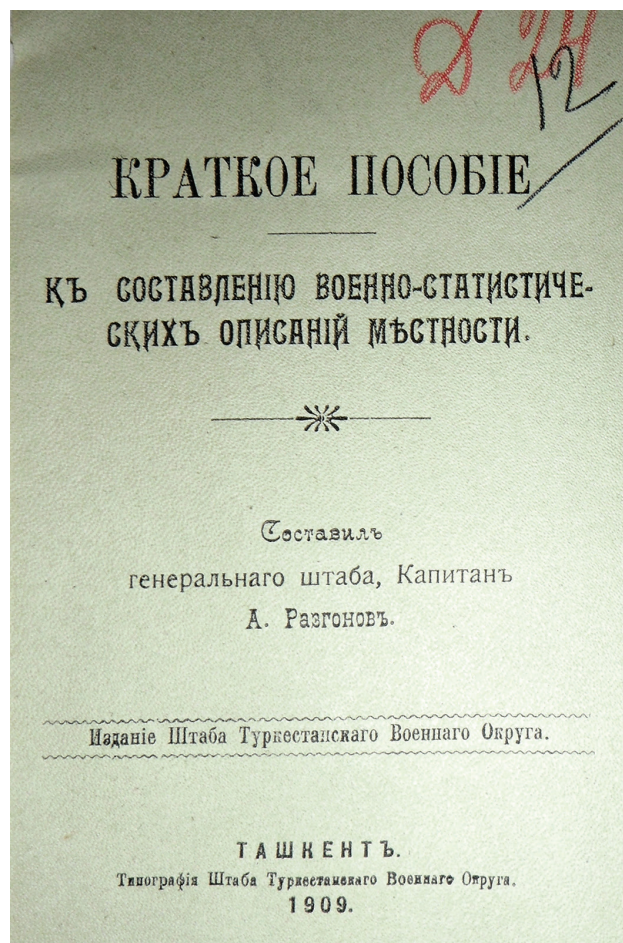
Этапной в развитии туркестанской военной фотографии стала деятельность штаба Туркестанского военного округа по составлению фундаментального многотомного военно-географического и статистического описания Туркестанского военного округа (1908–1914)²⁵. Это комплексное и системное описание потребовало организации многочисленных военно-географических поездок и рекогносцировок по Туркестанскому краю и сопредельным территориям с целью сбора географических, статистических, этнографических и военных сведений. В ходе таких работ все большее распространение получал способ фотофиксации. Фотографии, обладая

²⁴ Копия с секретного донесения секретаря Российского императорского генерального консульства в Кашгаре Беренса на имя российского императорского генерального консула в Кашгаре, 27 сентября 1911 г., г. Яркенд // РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 2333. Л. 309 об.

²⁵ О военных обозрениях Туркестанского военного округа // РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 4291. Л. 18-21.

индексальной (указывающей место в системе) ценностью, имели важное значение для систематизации и обобщения сведений, визуализации информации и перепроверки сведений. По этой причине военные использовали их наряду с картами и схемами в своих экспедиционных отчетах (Ryan 1997: 36) (ил. 11).

Важное значение для развития фотофиксации при военно-географических исследованиях в войсках Туркестанского военного округа имело составленное Генерального штаба капитаном А. К. Разгоновым «Краткое пособие к составлению военно-статистических описаний местностей» (Разгонов 1908). В работе отмечалась важность фотофиксации и использования фотографических снимков для составления военно-географических описаний (Разгонов 1908: 19). Разгонов широко использовал возможности полевой фотографии годом раньше при военно-географической экспедиции по Восточной Бухаре и Памиру.

Ил. 12. Разгонов А. Краткое пособие к составлению военно-статистических описаний местности. Ташкент: тип. Штаба Туркестанского военного округа, 1909. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 486. Л. 12

Ил. 13. Громбчевский Б. Л. Канджут. Дорога близ урочища Бульчидас. 1888 г. НА РГО. Ф. 45. Оп. 1. Д. 4. Л. 53

Им было подготовлено около 60 снимков с видами речных долин, переправ, горных проходов, перевалов, населенных пунктов (включая и ряд афганских), типов населения в районе рекогносцировки и пр. (Разгонов 1910). Признавая, что не все сделанные им снимки представляли военный интерес, Разгонов, замечал, что «попадая в малоизвестные края хочется удовлетворить и научному интересу» (Разгонов 1910: 38) (ил. 12).

Фотографическая презентация стратегически важных районов Туркестана, Персии, Афганистана, Китая и Северной Индии использовалась штабом Туркестанского военного округа для оценки военно-географических условий возможных театров военных действий и для целей военного планирования. В этом отношении весьма показателен пример фотографической коллекции капитана Б. Л. Громбчевского, совершившего две экспедиции по Восточной Бухаре, Памиру, Хунзе и Китайскому Туркестану (Басханов, Колесников, Матвеева 2017). В экспедиционных отчетах Громбчевский часто замечал, что пути, ведущие из Русского Туркестана через Памир в Индию, весь-

ма удобны и доступны не только для пехоты, но и артиллерии и обозов. Этот тезис использовался им для обоснования возможности нанесения удара по Индии со стороны Русского Туркестана. Между тем военные специалисты в Петербурге и Ташкенте, ознакомившись с маршрутными фотографиями, сделанными Громбчевским на пути в Хунзу, пришли к важному выводу о невозможности массированного вторжения русских войск в Индию со стороны Памира по причине труднодоступности горных перевалов, особенно их южных склонов, обращенных к Индии, и отсутствия запасов продовольствия и фуража на территориях, по которым войскам предстояло осуществлять движение (Снесарев 1903) (ил. 13).

К началу Первой мировой войны фотография получила широкое распространение в туркестанских войсках и стала неотъемлемым элементом информационного обеспечения военного планирования. Она использовалась штабами при

анализе разведывательной информации, составлении военно-географических и статистических описаний Туркестана и сопредельных территорий, разработке боевых документов. В то же время, туркестанскими военными фотографами был создан значительный фотографический архив, в котором были широко представлен материал по физической географии, истории и этнологии Туркестана и сопредельных с ним стран Востока.

Изучение истории русской военной фотографии в Туркестане – это не только процесс познания технических, жанровых, эстетических особенностей в специфическом региональном контексте, но и постановка и решение вопросов эпистемологического порядка, таких как связь фотографии с задачами административного управления и оборонной политики в Туркестан-

ском крае, противоречия между гуманитарным знанием и имперской пропагандой, значения фотографии в построении виртуальной конструкции «поля боя» и в имагологической интерпретации образа вероятного противника.

Серьезные подступы к этим темам сегодня невозможны без выявления по возможности полного круга фотографических источников и изучения их авторства, состава, исторического контекста, генетической взаимосвязи с другими группами источников. В этом смысле обнародование каждой новой фотографической коллекции, имеющей «туркестанское» происхождение, создает благоприятные условия для общей разработки такой перспективной темы, какой является история русской военной фотографии в Туркестане.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Апостоли* 1893 – *Апостоли Н. Н.* Руководство к изучению практической фотографии для морских офицеров и туристов / Сост. лейтенант Н. Н. Апостоли. СПб.: Тип. С. Н. Худекова, 1893.
- Апостоли* 1904 – *Апостоли Н. Н.* Заметки по фотографии, оптике и светописи. СПб.: Тип. Глав. упр. уделов, 1904.
- Басханов, Колесников, Матвеева* 2017 – *Басханов М. К., Колесников А. А., Матвеева М. Ф.* Памир, Хунза и Кашгария в экспедиционных фотографиях генерала Б. Л. Громбчевского (1888–1890). М.: Русское географическое общество, 2017.
- Басханов, Шевельчинская* 2019 – *Басханов М. К., Шевельчинская С. Л.* «И с казачьего пикета был уж виден Гималай»: Памир в фотообъективе поручика Павла Родственного. СПб.: Нестор-История, 2019.
- Вопросы* 1873 – *Вопросы*, предлагаемые Императорским Русским географическим обществом при исследовании Хивинского ханства и сопредельных с ним степей в географическом, этнографическом и культурно-историческом отношениях // ИИРГО. Т. IX. Вып. 2. С. 43–73.
- Гальков* 1958 – *Гальков Ч. В.* Туркестанский Военно-топографический отдел и его работы по картографированию Средней Азии (1867–1914). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент: Среднеазиатский государственный университет, 1958.
- Девель* 1994 – *Девель Т. М.* Альбом фотографий миссии полковника Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару 1858 года // *Страны и народы Востока*. Вып. XXVII. С. 259–271.
- Журнал заседания* 1874 – *Журнал заседания Совета ИРГО*. 3 мая 1874 г. // ИИРГО. Т. X. Вып. 5. С. 226–244.
- Закржевский* 1897 – *Закржевский В.* Фотография в войсках // *Разведчик*. 1897. № 333. С. 195.
- Извлечение из годового отчета* 1903 – *Извлечение из годового отчета по Туркестанскому Военно-топографическому отделу за 1903 г.* // ЗВТО ГУГШ. Ч. LXII. Отд. 1. СПб.: Военная тип., 1906. С. 74–130.
- Извлечение из годового отчета* 1911 – *Извлечение из годового отчета по Туркестанскому Военно-топографическому отделу за 1909 г.* // ЗВТО ГУГШ. Ч. LXVI. Отд. 1. СПб.: тип. Ю. Н. Эрлих, 1911. С. 19–22.
- Исторический очерк* 1872 – *Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов, 1822–1872*. СПб.: [б. и.]. 1872.
- Каразин* [1874] – *Каразин Н. Н.* Хивинский поход. Альбом хромолитографий, исполненных заведением Винкельман и Штейнбок в Берлине по оригинальным акварельным рисункам Н. Н. Каразина. СПб.: Скл. изд. у художника и маг. Бегрова, [1874].
- Кун* 1874 – *Кун А. Л.* Поездка по Хивинскому ханству в 1873 г. // ИИРГО. Т. X. Вып. 1. 1874. С. 47–58.
- Ласточкин* 1911 – *Ласточкин В. Г.* Восточный Туркестан. Кашгария. Ташкент: Тип. Штаба Туркестанского военного округа, 1911.
- Лебедев* 1898 – *Лебедев Н.* Фотография в войсках // *Разведчик*. 1898. № 389. С. 283.
- Разгонов* 1908 – *Разгонов А. К.* Краткое пособие к составлению военно-статистических описаний местностей. Ташкент: Типография Штаба Туркестанского военного округа, 1908.
- Разгонов* 1910 – *Разгонов А. К.* По Восточной Бухаре и Памиру. Ташкент: Типография Штаба Туркестанского военного округа, 1910.
- Снесарев* 1903 – *Снесарев А. Е.* Северо-индийский театр (Военно-географическое описание). Ч. 1–2. Ташкент: Типография Штаба Туркестанского военного округа, 1903.
- Станкевич* 1904 – *Станкевич Б. В.* По Памиру // *Русский вестник*. 1904. № 10. С. 472, 476.

- Стокасимов* 1912 – *Стокасимов Н. П.* Ферганский район. Ташкент: Типография Штаба Туркестанского военного округа, 1912. – Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. [Т. 7].
- Cohn* 1996 – *Cohn, Bernard C.* Colonialism and Its Forms of Knowledge. The British in India. Princeton: Princeton University Press, 1996.
- Description de l’Égypte 1820–1829* – *Description de l’Égypte, ou recueil des observations et des recherches, qui ont été faites en Égypte pendant l’expédition de l’armée Française.* Paris: C. L. F. Panckoucke, 1820–1829.
- Morrison* 2020 – *Morrison, Alexander.* The Russian Conquest of Central Asia. A Study in Imperial Expansion, 1814-1914. London: Cambridge University Press, 2020.
- Ryan* 1997 – *Ryan, James R.* Picturing Empire. Photography and the Visualization of the British Empire. London: Reaktion Books, 1997.
- Sandberg* 1990 – *Sandberg, Peter* (ed). C. G. Mannerheimin Valokuvia Aasian – Matkalta 1906-1908. Photographs by C. G. Mannerheim from his Journey Across Asia, 1906–1908. Keuruu: Otava Publishers, 1990.
- Strojecki* 2017 – *Strojecki, Igor.* Utracony Świat. Podróże Leona Barszczewskiego po XIX-wiecznej Azji Środkowej na podstawie wspomnień Jadwigi Barszczewskiej–Michałowskiej. Katowice: Wydawnictwo “Helion”, 2017.
- Tchalenko* 2006 – *Tchalenko, John.* Images from the Endgame. Persia through a Russian Lens, 1901–1914. London: Saqi in association with Iran Heritage Foundation, 2006.